

*Действие человека мгновенно и одно,
действие книги множественно
и повсеместно.*

А.С. Пушкин

Данное издание осуществлено в рамках программы "Новые книги — российским школам", реализуемой Московским отделением Института "Открытое общество" и Министерством образования Российской Федерации.

Главная цель данной программы — предоставить дополнительную возможность российским учащимся и учителям полнее удовлетворить свои образовательные потребности. В связи с этим лучшие учебные материалы программы "Обновление гуманитарного образования", которые прошли экспериментальную проверку в восьми регионах России, предлагаются на российский образовательный рынок.

РАЗДЕЛ I

ДАНТЕ. В ПРЕДДВЕРИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Данте Алигьери (1265—1321) — один из немногих поистине гениальных поэтов в истории мировой культуры — являлся предвестником Возрождения. Его творчество представляло собой синтез средневековых представлений, и в то же время ему удалось выразить с поразительной силой прозрения многие из тех идей, которые в следующую эпоху (отделенную от дантовской лишь коротким сроком) легли в основу новой, ренессансной культуры.

Данте родился во Флоренции в семье мелкого дворянина, человека, принадлежащего к старинному роду, но небогатого и не занимавшего в городе сколько-нибудь значительного положения.

Флоренцию раздирали партийные распри. Власть попеременно переходила из рук гвельфов к гибеллинам и обратно¹. В «Божественной комедии» Данте с горечью говорит, обращаясь к своей родине:

Тончайшие уставы мастера,
Ты в октябре примеришь их, бывало,
И сносишь к середине ноября.
За краткий срок ты столько раз меняла
Законы, деньги, весь уклад и чин
И собственное тело обновляла!

Опомнившись хотя б на миг один,
Поймешь сама, что ты — как та больная,

¹ Эти партии родились в период борьбы императоров с папами за Италию в конце XII в. Гвельфами были, как правило, противники императора, а следовательно — сторонники папы, гибеллинами — приверженцы императора.

Которая не спит среди перин,
Ворочаясь и отдыха не зная.
(Чистилище, VI, 142—151)

В молодости Данте принимал участие в военных походах и битвах. Позднее, в «Комедии», он вспоминал:

Я конных ратей видывал движенья
В час грозных сеч, в походах, на смотрах,
А то и в бегстве, в поисках спасенья...
(Ад, XXII, 1—3)

Данте сближается с поэтами литературного направления, которое получило название «нового сладостного стиля». Одним из его основателей был старший друг Данте Гвидо Кавальканти. Развивавшийся поэтами этого направления культ Прекрасной дамы был абстрактным, и порой трудно понять, идет ли речь о реально существующей женщине или о символе, олицетворявшем любовь как средство совершенствования человека. И все же в стихотворениях поэтов «нового сладостного стиля», уподоблявших женщину ангелу или мадонне, ощущается рост самосознания человека, а подчас и живое чувство.

Поэзия Данте скоро переросла рамки этой школы. Его первое крупное произведение — «Новая жизнь» представляет собой стихи, включенные позднее (в начале 90-х годов) в прозаическое повествование. В этом сочинении, которое поэт назвал «книгой моей памяти», он рассказывает об истории своей любви к юной флорентийке Беатриче. Впервые Данте встретил ее, когда ему было девять лет, а Беатриче — восемь, и «с этого времени Амор (любовь. — М. А.) стал владычествовать над моей душой, которая вскоре вполне ему подчинилась»². Когда девять лет спустя Данте вновь увидел Беатриче, его любовь вспыхнула с новой силой:

О столько лет мной бог любви владел!
Любовь меня к смиренью приучала,
И если был Амор жесток сначала,
Быть сладостным он ныне захотел.
(XXVII, с. 39)

Данте рассказывает о встречах с ней в церкви и на улице, на свадебном пиру другой флорентийки, о своем горе, когда она, поверив ложным слухам о его новом увлечении, перестала отвечать на его приветствия, о смерти подруги Беатриче, ее отца и, наконец, самой Беатриче (умершей в 1290г. в возрасте 25 лет). На протяжении всех этих лет Данте даже не помышляет о сближении с ней. Герой довольствуется блаженством, заключенным «в словах, восхваляющих госпожу». Беатриче изображается как источник благодати для всех окружающих.

Сопровождаемая похвалой,
Она идет; смиренья ветер веет.

² Цитаты из «Новой жизни» даны по изд.: Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968.

Узрев небесное, благоговеет,
Как перед чудом, этот мир земной.
(XXVI, с. 38)

Еще при жизни Беатриче Данте посетило видение ее смерти, которую он воспринимает как космическую катастрофу, заимствовав образы помрачения солнца и землетрясения из Апокалипсиса.

Мерцало солнце, мнилось, все слабей,
И звезды плакали у небосклона,
Взойдя из ночи лона,
И птиц летящих поражала смерть,
И задрожала твердь.
(XXIII, с. 33)

Когда же Беатриче действительно умерла, Флоренция стала «градом скорбей», и «всех людей пленила скорбь моя, печали их — увы! — неутолимы» (XL, с. 51). Кончается «Новая жизнь» апофеозом умершей, вознесшейся в лучезарный райский чертог.

Гиперболизм образов «Новой жизни» — дань поэтической традиции. Но в то же время это произведение по сути своей — первое повествование о духовном мире человека, о горьком смятении, смене надежды печалью, радости — скорбью. Само действие — описание конкретных событий — оттесняется на задний план изображением переживаний поэта. Главная проблема — основные вопросы жизни, любви, смерти — решается еще в основном по-средневековому. И все же процесс индивидуализации чувства начался.

В конце повести Данте торжественно заверяет читателя в том, что в будущем он надеется «сказать о ней (Беатриче. — М. А.) то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине». Это обещание, в котором ощущается уверенность в своих силах, он выполнил в «Божественной комедии».

В середине 90-х годов Данте стал принимать участие в политической жизни Флоренции. Являясь гвельфом, он решительно выступал против магнатов, но также и против притязаний папы Бонифация VIII, стремившегося поставить Флоренцию в зависимость от себя. В 1300 г. произошел раскол партии гвельфов на черных (в своем большинстве — магнатов) и белых (в основном торговоремесленные слои, близкие к гибеллинам), который привел к кровавой расправе между ними. Борьба завершилась изгнанием белых гвельфов в 1302 г. из Флоренции. Данте, принявшего сторону белых гвельфов, переворот застал за пределами Флоренции. Он был приговорен по ложному обвинению сначала к двухлетнему изгнанию, а затем, поскольку он не вернулся для судебного расследования (что отдало бы его в руки врагов), — к казни. Приговор гласил: «пусть его жгут огнем, пока не умрет». Так начались годы изгнания; Флоренции он более не увидел. Данте в полной мере познал,

...как горестен устам

Чужой ломоть, как трудно на чужбине
Сходить и восходить по ступеням...
(Рай, XVII, 58—60)

Данте скитался по Италии, вынужденный искать приюта у того или иного синьора — правителей Вероны, Лукки и других городов. Поразителен отрывок из одного трактата, где Данте, прерывая абстрактные философские рассуждения, неожиданно пишет: «После того как гражданам Флоренции, прекраснейшей и славнейшей дочери Рима, угодно было извергнуть меня из своего сладостного лона, где я был рожден и вскормлен вплоть до вершины моего жизненного пути... я как чужестранец, почти что нищий, исходил все пределы, куда только проникает родная речь... Поистине, я был ладьей без руля и без ветрил: сухой ветер, вздымаемый горькой нуждой, заносил ее в разные гавани, устья и прибрежные края...»

Вскоре после изгнания Данте отошел от белых гвельфов, в среде которых начались бесконечные свары и предпринимались различные авантюры. «Безумство, злость, неблагодарность их ты сам познаешь», — пишет о них поэт в своей «Комедии». Так поэт стал «сам себе клеветом», т. е. сам себе партией. Это способствовало расширению его политического горизонта. Отныне он остро осознает гибельность междоусобных распрей, то и дело обгаляющих кровью городские улицы и поля Италии.

Италия, раба, скорбей очаг,
В великой буре судно без кормила,
Не госпожа народов, а кабак!..

А у тебя не могут без войны
Твои живые, и они грызутся,
Одной стеной и рвом окружены.

Тебе, несчастной, стоит оглянуться
На берега твои и города:
Где мирные обитатели найдутся?
(Чистилище, VI, 76—78, 82—87)

В «Божественной комедии» имеется такой эпизод: в третьем круге ада, где истлевают под вечным ливнем обжоры, Данте встречает земляка Чакко, который говорит ему о Флоренции:

...Твой город, зависти ужасной
Столь полный, что уже трещит квашня.
(Ад, VI, 49—50)

Поскольку души умерших обладают даром предвидения, Данте с горечью спрашивает его:

Но я прошу: скажи, к чему придут
Враждующие в городе усобном;
И кто в нем праведен; и чем раздор
Зажжен в народе этом многозломном?
(Ад. VI, 60—63)

Оставшись в стороне от свар и составив «сам себе партию», Данте ищет путь, который бы привел страну к

миру, а следовательно — принес бы жителям Италии счастье. Но в самой стране он не находит той силы, которая оказалась бы способной ее объединить. И Данте возлагает надежды на германского короля Генриха VII, явившегося в 1310 г. по примеру своих предшественников в Италию, чтобы венчаться в Риме императорской короной. Данте обращается с письмом к правителям и народу Италии, заявляя, что настало время, «несущее многообещающие признаки утешения и мира... ибо взойдет титан-миротворец». В написанном в эти годы трактате «Монархия» он видит в мировой монархии единственную возможность навсегда покончить с раздробленностью страны. Единая Италия должна стоять во главе других народов, а ее монарх быть преемником античных цезарей. Однако смерть Генриха VII в 1313г. нанесла сокрушительный удар по и без того утопическим надеждам Данте.

Политическая страстность, горечь изгнания, неосуществленные чаяния, обширнейший круг волновавших его философских, нравственных, политических, религиозных проблем – все это нашло отражение в «Божественной комедии», о которой сам поэт сказал, что она «отмечена и небом, и землей» (Рай, XXV, 2).

Данте начал писать свою поэму в изгнании. Он успел завершить ее перед самой смертью, когда жил в Равенне у ее синьора Гвидо Новелло да Полента. Данте назвал свой труд «Комедией», потому что так было принято именовать произведения, имеющие радостный конец. «Божественной» назвали ее, возможно, первые читатели и слушатели в знак высшей похвалы. «Божественная комедия» написана на народном итальянском языке, который Данте назвал хлебом простым, ячменным (т.е. доступным всем), а не пшеничным, а в более позднем трактате — «блистательной народной речью». Поэтому и избрал Данте итальянский язык для поэмы, с помощью которой он хотел воздействовать на умы и чувства самых широких кругов итальянского общества.

«Комедия» рассказывает о путешествии Данте в 1300 г. по трем царствам загробного мира — аду, чистилищу и раю. Форма была традиционной: странствия по аду и раю описывались и в предшествовавшие века³, но эти видения носили сухой назидательный характер. У Данте эта форма наполнилась необычайно емким содержанием: она вместила в себя, с одной стороны, всю духовную жизнь итальянского общества того времени, с другой — мысли, чувства и взгляды самого Данте, в которых доминирующее средневековое начало органически сплелось с предугаданными им идеями, которые вскоре составят новое миропонимание.

Основываясь на средневековой символике чисел, Данте разделил поэму на три части — «Ад», «Чистилище»

³ См. часть первую.

и «Ад». Каждая часть состоит из 33 песен. Всего в поэме 100 песен (первая песнь — вводная). Эти числа считались священными: 3 означало святую троицу, 100 — совершенство, 9 (3 x 3) — число небесных сфер. Во вводной песне Данте рассказывает:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
(Ад, I, 1-3)

Из этого леса (аллегория земных страстей и заблуждений) 35-летний поэт пытался подняться на спасительный, озаренный светом холм (холм спасения), но ему преградили дорогу пантера (в русском переводе — рысь), лев и волчица. По-видимому, пантера символизировала сладострастие, лев — гордость и насилие, волчица — алчность. На помощь Данте приходит его любимый поэт — Вергилий, который стал его проводником по Аду и Чистилищу. Если в средние века Вергилия высоко чтили, видя в нем мага и провидца, якобы предсказавшего в языческие — древнеримские времена сошествие на землю Христа, то для Данте Вергилий (которого он называет своим учителем), ведущий поэта к земному раю, олицетворяет высший, просвещенный разум, поэзию и мудрость.

В структуре Дантовой «Комедии» отражена в основном средневековая картина мира (в которую была включена система Птолемея): Земной шар является неподвижным центром Вселенной, а Солнце — одной из планет, вращающихся вокруг Земли. В Северном полушарии, в представлении Данте, находился Ад в виде постепенно сужающейся воронки (возникшей в результате низвержения с небес богом Люцифера — сатаны). Ее острие, «где гнет всех грузов отовсюду слился» (Ад, XXXIV, 111), является центром и Земли, и Вселенной. Отсюда ход в камне ведет на поверхность Южного полушария, где расположена гора Чистилища, которую окружает океан. Вершина горы представляет собой Земной Рай — Эдем. Небесный Рай находится на девяти небесах — это сферы Луны, Меркурия, Венеры, Солнца, Марса, Юпитера, Сатурна, неподвижных звезд и, наконец, девятая сфера — Эмпирей, перводвигатель; здесь находится Райская роза, отсюда свет и движение передаются всем остальным небесным сферам.

Этот мир предельно насыщен человеческими страстями. Особенно неистовы они в Аду. Над входом Данте читает надпись:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.
Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования.
(Ад, III, 1—3, 7—9)

Дважды увещевает его Вергилий отважиться и войти в страну теней:

Нельзя, чтоб страх повелевал уму:

Иначе мы отходим от свершений,

Как зверь, когда мерещится ему.

(Ад, II, 46—48)

И вновь, у самых врат Ада:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;

Здесь страх не должен подавать совета.

Данте решается на этот подвиг.

В самом преддверии Ада он слышит во мраке «вздохи, плач и исступленный крик», слова, полные боли, гнева и страха. Вергилий объясняет поэту:

...То горестный удел

Тех жалких душ, что прожили, не зная

Ни славы, ни позора смертных дел.

И смертный час для них недостижим,

И эта жизнь настолько нестерпима,

Что все другое было б легче им.

Их память на земле невоскресима;

От них и суд и милость отошли.

Они не стоят слов: взгляни - и мимо!

(Ад, III, 34—36, 46—51)

«Вовек не живший, этот жалкий люд» не был ни в чем греховен, но не оставил никакого следа на земле. Поражает сила презрения Данте к таким людям: их не принимают ни небо, ни преисподняя; они не воспользовались способностью человека действовать, творить добро или зло и подвергаются теперь не столько физической (их кусают слепни и осы, «кровь, между слез, с их лиц текла струями»), сколько нравственной пытке, которой предпочли бы любые более тяжкие муки.

Переправившись через адскую реку, Данте с Вергилием оказываются в первом круге — Лимбе, где во тьме, не мучаясь, но охваченные «безбольной скорбью», находятся поэты (грек Гомер, которого Данте почтительно именует: «превысший из певцов всех стран», римляне Гораций и Овидий) и, на зеленом лугу, — герои и философы древности. Они не грешили, но жили до Христа и по этой причине им закрыт доступ в Рай: «не спасут одни заслуги, если нет крещенья».

В остальных кругах Ада терпят страшные муки грешники — каждый в соответствии с тяжестью своей вины: чем больше вина, тем ниже они помещены, тем суровее кара. Во втором круге находятся сладострастники. Там

...Адский ветер, отдыха не зная,

Мчит сонмы душ среди окрестной мглы

И мучит их, крутя и истязая.

(Ад, V, 31-33)

Далее казнятся чревоугодники.

Я в третьем круге, там, где дождь струится,

Проклятый, вечный, грузный, ледяной;

Всегда такой же, он все так же длится.

Тяжелый град, и снег, и мокрый гной

Пронизывают воздух непроглядный;

Земля смердит под жидкой пеленой.

(Ад, VI, 7—12)

В четвертом круге то и дело сходились в схватке расточители и скупцы, крича друг другу «Чего копить?» или «Чего швырять?»

В Стигийском болоте дрались гневные, «друг друга норвя изгрызть в клочки». Ниже, внутри пылающих стен адского города Дита, в шестом круге, в огненных могилах лежат еретики-эпикурейцы, отрицавшие бессмертие души. В следующий круг помещены насильники. В первом поясе находятся тираны и убийцы. Тираны — античные и жившие во времена Данте — идут по сжигающему их кровавому потоку, и «был страшен крик варившихся живьем».

Здесь не один тиран,

Который жаждал золота и крови,

(Ад, XII, 103—104)

- замечает гнавший их кентавр. Во втором поясе находится окаменевший лес. Когда Данте ломает сучок терновника, «в надломе кровью потемнел росток». Ствол просит его прекратить мучения. Оказывается, это самоубийцы (т. е. совершившие насилие над собой), превращенные в деревья.

И как с конца палимое бревно

От тока ветра и его накала

В другом конце трещит и слез полно,

Так раненое древо источало

Слова и кровь.

(Ад, XIII, 40—44)

Богохульники, бросившие вызов божеству, и распутники томятся под медленно спадающими сверху огненными хлопьями (третий пояс).

Глубокие рвы восьмого круга (десять Злых Щелей) населены душами, казнимыми за самые разнообразные грехи. Здесь мучаются сводники, а также те, кто обольщал женщин, и «бес рогатый» жестоко бьет их по спине взмахами плети. В зловонные нечистоты влипли льстецы. Далее терпят муки те, кто приобрел духовный сан за деньги. Прорицатели и волшебники двигаются только назад, с повернутыми к спине лицами. В густой смоле кипят взяточники; в тяжелой свинцовой одежде с трудом бредут лицемеры; змеи кусают воров и грабителей, которые вспыхивают, сгорают и вновь обретают свою плоть. О лукавых советчиках Вергилий говорит: «Здесь каждый дух затерян внутри огня, которым он горит». Зачинщиков раздоров снова и снова (после того, как они срастаются) рубит на куски дьявол. Безмерно раздуты от водянки фальшивомонетчики.

Ниже всех, в девятом круге, вмерзли в лед виновные в самом страшном, по мнению Данте, преступлении — те,

кто предал родных, родину, единомышленников и друзей или же своих благодетелей. Здесь, в самом средоточии Земли и Вселенной, находится Люцифер, ставший господином Ада, — «мучительной державы властелин». В своих трех пастях он терзает Иуду, предавшего Христа, Брута и Кассия, предавших Юлия Цезаря.

Далее Данте восходит, «чтоб зренье обрести», на гору Чистилище.

И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию
(Чистилище, I, 4—6)

Представление о Чистилище, в которое попадают души тех грешников, которые раскаялись еще при жизни и по этой причине могут, претерпев в течение определенного времени муки сообразно их греху, попасть затем в Рай, окончательно оформилось только в XIII в.

В своем путешествии Данте с Вергилием попадают сначала в Предчистилище, где души умерших ждут, когда их пропустят через врата. По первому уступу горы медленно идут гордецы. Далее сидят завистники, веки которых зашиты железной нитью. В третьем круге находятся души гневных, выше — виновные «в любви к добру, неполной и унылой». В пятом круге очищаются скупцы и расточители, в шестом — те, «кто угождал чрезмерно чреву» и поэтому мучаются здесь от голода и жажды. В верхнем, седьмом круге, по пути, объятому пламенем, движутся сладострастники.

Плоская вершина горы представляет собой Земной Рай — «господень лес, тенистый и живой», где прекрасная юная девушка, танцует и напевая, собирает на лугу алые и желтые цветы.

Здесь, в Раю, навеки утраченном людьми из-за грехопадения Адама и Евы, Вергилий исчезает, так как язычнику закрыт доступ в Небесный Рай. На смену ему «в венке олив, под белым покрывалом, предстала женщина, облачена в зеленый плащ и в платье огнеалом». Это Беатриче, первая любовь поэта, символизирующая божественную мудрость.

Однако образ Беатриче имеет в поэме не только такой аллегорический смысл. Данте продолжает:

И дух мой, — хоть умчались времена,
Когда его ввергала в содроганье
Одним своим присутствием она,
А здесь неполным было созерцанье, —
Пред тайной силой, шедшей от нее,
Былой любви изведаль обаянье.
...Всю кровь мою
Пронизывает трепет несказанный:
Следы огня бывшего узнаю!
(Чистилище, XXX, 34—39. 46—48)

Итак, этот образ многозначен. Он олицетворяет христианскую истину (а три цвета ее одежды — алый,

зеленый и белый — являлись богословскими символами основных добродетелей — веры, надежды и любви) и в то же время Беатриче — его умершая возлюбленная, память о которой он хранит и в загробном мире. Высшее, духовное начало и земное слились воедино.

Вместе с Беатриче Данте возносится со скоростью света на небо; где, как гордо возвещает поэт, «не бывал никто по эту пору».

Увлекаемый силой своей любви, освобожденный от всего земного, он минует одну за другой сферы, на которых находятся души праведников, утратившие человеческие очертания и превратившиеся в яркие огни.

Последнее — девятое небо — кристальное. На пути Данте обратил свой взор на землю:

... — и видел этот шар
Столь жалким, что не мог не усмехнуться.
(Рай, XXII, 132—133)

Данте достигает предела вселенной — Эмпирея. Пространство пронизано пламенеющим светом и музыкой:

И свет предстал мне в образе потока,
Струистый блеск, волшебною весной
Вдоль берегов расцвеченный широко.
Живые искры, взвившись над рекой,
Садилась на цветы, кругом порхая,
Как яхонты в оправе золотой...
(Рай, XXX, 61—66)

Здесь, «в мир вечности из времени вступив», Данте видит сияющую райскую белую Розу, в центре которой находится Бог, окруженный праведниками и ангелами. Таков апофеоз поэмы.

Загробный мир, особенно Ад, изображены с огромной силой художественной убедительности. Не случайно многие современники Данте верили, что поэт действительно посетил Ад, Чистилище и Рай. Фантастические описания самым причудливым образом переплетаются с жизненными наблюдениями.

Потом я видел сотни лиц во льду,
Подобных песьим мордам; и доньне
Страх у меня к замерзшему пруду,
(Ад, XXXII, 70—72)

— говорит Данте о своем нисхождении в девятый круг Ада, где казнят предателей.

Его сравнения неожиданны и образны. Здесь, в «подобном стеклу» озере, предатели, вмерзшие в лед по шею, напоминают ему лягушку, которая

...выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда.
(Ад, XXXII, 31—32)

Дьяволы, следящие за тем, чтобы взяточники не всплывали из смолы, кипящей во рву седьмого круга, сравниваются с поварами:

Так повара следят, чтобы их служки
Топили мясо вилами в котле

И не давали плавать по верхушке.

(Ад, XXI, 55—57)

Те, кто «предал разум власти вожделений», вызывают у него иного характера лирическое воспоминание:

Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мною несся круг Теней...

(Ад. V. 46—49)

Находившиеся в Предчистилице души умерших насильственной смертью, которые осаждают Данте просьбами, напоминают ему людей, окружающих выигравших «игру в три кости»:

Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо ввернет,
А тот идет и только ухо клонит;
Подаст кому, — идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.

(Чистилице, VI, 4—9)

В седьмом круге Чистилица грешники на своем пути приникают на миг друг к другу:

Так муравьи, столкнувшись где-нибудь,
Потрутся рыльцами, чтобы дознаться,
Быть может, про добычу и про путь.

(Чистилице, XXVI, 34—36)

Сам Данте сохраняет свой земной облик. Поэтому, когда он спускается по адским кручам, «...часто камень угрожал обвалом под новой тяжестью моей ноги». В круге шестом Чистилица «солнце било в правое плечо», лишь тело Данте отбрасывало тень, и грешники удивленно говорят: «Не таковы бесплотные тела». Необычайное впечатление производят описания пейзажа, мрачного — в Аду, порой лиричного — в Чистилице.

Луна в полночный поздний час плыла
И, понуждая звезды разредиться,
Скользила, в виде яркого котла,
Навстречу небу, там, где солнце мчится.

(Чистилице, XVIII, 76—79)

Рай предстает переливающимся всеми красками.

Мировоззрение Данте, творившего в эпоху, непосредственно предшествовавшую Возрождению, было противоречивым и в то же время целостным в своей противоречивости. И все же особый интерес представляют те идеи, которые предвещали будущее, несмотря на то что вычленение их из общего комплекса является в известной степени искусственным.

Отношение поэта к грешникам, поправшим нормы божественного правосудия, подчас резко расходится с тем, которое предписывалось ортодоксией. Пожалуй, самым прославленным в «Комедии» является эпизод с Паоло и Франческой да Римини. Данте встречается с этими героями во втором круге, где вечный ветер мчит души тех, «кого

земная плоть звала». Среди них — Франческа, жена синьора (тирана) Римини Джанчотто Малатесты, полюбившая его младшего брата Паоло и убитая вместе с ним своим мужем. Данте выслушивает патетический рассказ Франчески.

Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца.
Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.
Любовь вдвоем на гибель нас вела...

(Ад, V, 100—106)

Ее рассказ потряс Данте.

Дух говорил, томимый страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;
И я упал, как падает мертвец.

(Ад, V, 139—142)

Таков трагический конфликт между воззрениями и чувством Данте. Помещая Паоло и Франческу в Ад, он вместе с тем полон сострадания к ним. Это — не отвлеченная средневековая добродетель; чувство Данте не столь абстрактно: это — живое сочувствие. Для него земная любовь не представляет собой чего-то низменного, недостойного людей; она благороднейшее из чувств, подвигающее человека на великие деяния. Вергилий говорит ему о том, как одна из христианских святых обратилась к Беатриче со словами:

О Беатриче, помоги усилью
Того, который из любви к тебе
Возвысился над повседневной былью.

(Ад, II, 103—105)

Речь идет о самом Данте.

Жажда знания, даже если ее удовлетворение сопряжено со смертельной опасностью, — таков еще один из мотивов, предвещавших Ренессанс. Гимном жизни, направленной на высокую цель — познание, звучит рассказ Улисса (Одиссея), заключенного в Аду в язык огня⁴. Улисс после длительных странствий, состарившись, все же не мог преодолеть тяги к путешествиям.

Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойный
Близ Пенелопы с радостным челом
Не возмogli смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И все, чем дурны люди и достойны.
И я в морской отважился простор...

(Ад, XXVI, 94—100)

Он вспоминает, как, достигнув уже пролива, «где

⁴ В восьмой ров Злых Щелей Ада душа Улисса попала за лукавые советы и хитрости, к которым он прибегнул при взятии греками Трои.

Геркулес воздвиг свои межи» (Гибралтарского пролива), он обратился к своей дружине со словами, увлекшими их вперед, на дерзкое и опасное плавание по Атлантическому океану.

О братья, — так сказал я, — на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и знанью рождены.
(Ад, XXVI, 112—120)

Саму гибель Улисса и его спутников Данте изобразил по-своему (не в соответствии с какой-либо из версий послегомеровской легенды): после пятимесячного плавания по Атлантическому океану они увидели огромную гору, откуда надвинулся вихрь, перевернувший судно. Под горой Данте подразумевал Чистилище. Людей, осмелившихся по своей воле приблизиться к нему, ожидает кара за подобную дерзость — смерть. Но в то же время в отношении поэта к своему герою явственно ощущается и восхищение этой дерзостью, ибо в основе ее лежит благородное стремление проникнуть в неведомое. И с рассказом Улисса, стержнем которого является тяга к знанию, перекликается отрывок из трактата «Пир» (написанного в первые годы изгнания поэта): «...так как познание есть высшее совершенство нашей души и в нем заключено наше высшее блаженство, все мы от природы стремимся к нему».

Расходясь с церковной доктриной, Данте убежден в высокой ценности человеческой личности. Одно из ее важнейших качеств — воля. Он считает, что воля человека свободна.

...Волю силой не задуть;
Она, как пламя, борется упорно,
Хотя б его сто раз насильно гнуть.
(Рай, VI, 76—78) 25

В третьем круге Чистилища ломбардец Марко говорит поэту: «Вам дан же свет, чтоб воля различала добро и зло...»

Судьба Италии зависит от людей: «И если мир шатается сейчас, причиной — вы». Впрочем, главную вину за это Данте возлагает на папу, дурному примеру которого следуют и миряне. И тем не менее природу людей — совсем неортодоксально — Данте считает доброй. Марко продолжает свою речь:

Ты видишь, что дурное управленье
Виной тому, что мир такой плохой,
А не природы нашей извращенье.
(Чистилище. XVI, 103—105)

Поэт, несомненно, твердо верил в то, что люди, к

которым он обращается, способны вернуть времена, когда в Италии «привыкли честь и мужество цвести». Суждение о свободе воли не было чем-то новым для средневековья, но отсюда следует характерный для Данте вывод: она может подвинуть личность на великие дела, а всех людей, поскольку им присущи разум и добродетель, — на исправление мира. Сам Данте решился отправиться в путешествие по потусторонним царствам во имя блага людей: он должен затем описать увиденное «для пользы мира, где добро гонимо». Именно активная любовь к людям явилась источником творчества поэта.

А если с правдой побоюсь дружить,
То средь людей, которые бы звали
Наш век старинным, вряд ли буду жить.
(Рай. XVII, 118—120)

В Данте сильно чувство личной ответственности за судьбы людей. Он заявляет: «...Не оправданье — когда другой добро за нас творит» (Чистилище, X, 89—90). Человек, следуя своему гражданскому долгу, должен быть мужественным, преодолевать страх перед трудностями и опасностями.

В круге пятом, в глубь Стигийского болота погружены люди, виновные лишь в унынии.

Увязнув, шепчут: «В воздухе родимом,
Который блещет, солнцу веселясь,
Мы были скучны, полны вялым дымом;
И вот скучаем, втиснутые в грязь.
(Ад, VII, 121 — 124)

Наказание для них является естественным продолжением самого греха: они и после смерти обречены на ту же скуку. Их грех заключается в отказе от радостей бытия — какой поистине гуманистический мотив!

В Аду и, в меньшей мере, в Чистилище бушуют страсти. Земля по-прежнему остается центром притяжения, занимает все помыслы и чувства тех, кому уже никогда не суждено ее увидеть. Даже в Предчистилище «счастливые души», увидев живого человека, толпятся вокруг него, «забыв стезю высот и чаянье прекрасного удела». Несмотря на жестокие муки, грешники стремятся узнать, что делается в Италии, война или мир в их родном краю. Услышав о неудаче своих бывлых соратников, вождь гибеллинов еретик Фарината, лежащий в огненной могиле, говорит Данте, что эта весть «больнее мне, чем ложе мук моих». Отец поэта Гвидо Кавальканти сражен горем, когда, неверно истолковав слова Данте, решил, что его сын уже умер. Многие просят Данте рассказать о них на земле, в том числе и те, кого после Чистилища ожидает райское блаженство. «Взгляни на нас: быть может, нас ты знала, — взывают они к Данте (т. е. к его душе), — и весть прихватишь для земной страны?» «Быть может, ты пройдешь землей Тосканы, так обо мне скажи моим родным», — вторит им знатная сьенская горожанка. Даже обжора Чакко, истлевающий под ледяным дождем Ада,

умоляет Данте: «Но я прошу: вернувшись в милый свет, напomini людям, что я жил меж ними».

То и дело земля властно вторгается в загробный мир в виде воспоминаний, пророчеств, сравнений. Сами его обитатели полностью сохранили тот характер, который имели при жизни. И Данте вносит в свое отношение к ним присущую ему страстность. Одним он горячо сочувствует, других, даже видя их муки, продолжает ненавидеть. Когда один из грешников просил поэта снять ледяную пленку с его глаз, Данте «рукой не двинул, и было доблестью быть подлым с ним».

Одним из наиболее трагических эпизодов является рассказ графа Уголино (правителя Пизы), который, вмерзнув в лед девятого круга, яростно грызет голову своего врага. Это архиепископ Руджери, поднявший восстание против Уголино. Свергнутый Уголино был замурован в башню, позднее прозванную «Башней голода», по Данте, вместе с четырьмя сыновьями (в действительности — двумя сыновьями и двумя внуками). Через несколько дней дети скончались от голода. Не выдержав мук, Уголино пожирает их тела:

Уже слепой, я щупал их с испугом,
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом.
(Ад, XXXIII, 73—75)

Данте возмущен приговором пизанцев, казнивших не только отца, который, быть может, и изменил городу. «За что детей вести на суд неправый!» — восклицает он.

Во встречах и разговорах с бесчисленными обитателями потустороннего мира — современниками Данте, людьми, жившими в античную эпоху и средние века, героями легенд и мифов — вырисовывается система этических и политических воззрений поэта. Для Данте жизнь и творчество были немислимы без борьбы со злом, царящим в «безмерно горьком мире». Его отношение к итальянским городам и папству глубоко эмоционально. Ненависть Данте обращена на изгнавшую поэта Флоренцию (которую он в то же время продолжает пылко любить, не теряя надежды когда-либо вернуться «к родной овчарне, где я спал ягненком»). «Завистливый, надменный, жадный люд; общенье с ним тебя бы запятнало», — отзывается о флорентийцах его умерший учитель Брунетто Латини. Сам Данте, говоря о Флоренции, не может сдержатъ своего гнева:

Ты предалась беспутству и гордыне,
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне!
(Ад, XVI. 73—75)

Болонцы тоже, по мнению поэта, отличаются жадностью к деньгам. Один из жителей этого города сообщает ему, что в Аду много болонцев: «Немудрено: мы с алчностью своей до смертного не расстаемся хрипа». В «нежданных прибылях», разгуле стяжательства,

характерном для его эпохи, Данте видит главное зло своего времени. «Заветный голод к золоту, к чему не направляешь ты сердца людские?» Устами Беатриче он обращается к итальянцам: «Так одуряет вас корысть слепая». Именно в ней усматривает Данте причину партийных распрей и междоусобных войн. Он мечтает о возврате к старым, патриархальным временам, когда во Флоренции жила «любовь к добру и честным нравам». Устами своего прапрадеда Каччагвиды, жившего в XII в., Данте воспевает времена, когда Флоренция

Жила спокойно, скромно и смиренно.

Не знала ни цепочек, ни корон,

Ни юбок с вышивкой, и пояпочки

Не затмевали тех, кто обряжен.

(Рай, XV, 99—102)

На главах знатных родов «красовалась простая кожа, без затей гола», а их жены не наводили на лица белил и не гнушались прясть.

Такой прекрасный, мирный быт граждан,

В гражданственном живущих единенье,

Такой приют отрадный был мне дан...

(Рай, XV. 130—132)

— говорит он.

Данте не осознавал, разумеется, что надвигавшиеся экономические перемены имели и оборотную сторону — изменение отношения к человеку, пересмотр этических норм — то, что раньше других интуитивно начал постигать сам поэт.

Данте яростно обрушивается и на пороки церкви: сребролюбие, роскошь, притязания на верховенство над государями Европы. Его гнев направлен в первую очередь против папства. В третьем рву круга восьмого Ада, где казнятся купившие церковные должности, находится папа Николай III, ввергнутый головой в каменную яму, с охваченными огнем ногами. Он ошибочно принимает Данте за еще не умершего в 1300 г. Бонифация VIII, который должен в Аду занять его место. Николай выражает удивление, что папа явился преждевременно:

Иль ты устал от роскоши и сана,

Из-за которых лучшую из жен⁵,

На муку ей, добыл стезей обмана?

(Ад, XIX, 55—57)

Обличения пап и церкви звучат и в Чистилище, И в Раю. Данте обвиняет церковь в том, что она стремится присвоить себе также власть меча, т. е. светскую власть: «Меч слился с посохом, и вышло так, что это их, конечно, развратило». Далее эта мысль повторяется в еще более резкой форме:

Не видишь ты, что церковь, взяв обузу

Мирских забот, под бременем двух дел

Упала в грязь, на срам себе и грузу?

⁵ Т. е. церковь.

(Чистилище, XVI, 127—129)

Устами одного из средневековых богословов поэт изображает папу верхом, в роскошном одеянии:

И конь, и всадник мантией объяты,
Под той же шкурой целых два скота.
Терпенье божье, скоро ль час расплаты!
(Рай, XXI, 133—135)

Монастыри превратились в вертепы, а монашеские рясы — в «дурной мукой набитые кули». Такой же гнев вызывает у него белое духовенство. Апостол Петр возмущенно заявляет: «В одежде пастырей — волков грызливых на всех лугах мы видим средь ягнят».

Индальгенции называются «покупными и лживыми грамотами». Особой силой обладает обвинение, которое апостол Петр, имевший в Раю вид пылающего светоча, раскаляясь от гнева докрасна, обращает против папы:

Тот, кто, как вор, воссел на мой престол,
На мой престол, на мой престол, который
Пуст перед сыном Божиим, возвел
На кладбище моем сплошные горы
Кровавой грязи...
(Рай. XXVII, 22—26)

Нападки Данте на переродившуюся церковь не являлись чем-то новым для средневековья. Он надеялся исправить католическую церковь, сохранив ее структуру и вероучение. Но пафос его обличений неразрывно связан с обостренным гражданским чувством, неистовой натурой борца. Только реформированная церковь может, по убеждению Данте, помочь людям обрести вечное блаженство на небе.

Предвосхищая умонастроение людей Возрождения, Данте по-новому относится к славе. Вопреки средневековому представлению о тщете всего земного, слава, считает поэт, достойным образом увенчивает человеческие свершения.

«Храни мой Клад, я в нем живым остался», — единственное желание палимого огнем Брунетто Латини⁶.

Когда Данте, поднявшись на вершину адского обвала, обессиленный, сел, Вергилий обратился к нему со словами:

Теперь ты леность должен отместить, —
Сказал учитель. — Лежа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.
Кто без нее готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной.
Встань! Победи томленье, нет побед,
Запретных духу...
(Ад, XXIV, 46—53)

И Данте вполне осознает величие своего подвига —

⁶ Имеется в виду труд ученого и поэта XIII в. Брунетто Латини «Книга о сокровище» — своего рода энциклопедия тех времен.

именно так обозначает он нисхождение в Ад. «Здесь не бывал никто по эту пору», — столь же гордо заявляет он, первым из смертных побывав в Раю.

Возвышенно звучат слова последнего проводника Данте богослова Бернарда Клервоского о поэте, вознесшемся на девятое небо Рая и созерцавшем Райскую розу:

Он, человек, который ото дна
Вселенной вплоть досюда, часть за частью,
Селеня духов обозрел сполна...
(Рай. XXXIII, 22—24)

Данте хочет остаться в памяти людей, сохранить для будущих поколений «хоть искру славы заповедной». Он ощущает собственную значимость (чувство греховное, с точки зрения церковной!),

Твой крик пройдет, как ветер по высотам,
Клоня сильней большие дерева;
И это будет для тебя почетом,
(Рай, XVII. 133—135)

— предсказывает ему его предок Каччагвида.

В беседе Данте с Каччагвидой, которой отведены три песни «Рая», вновь ощущается раздвоенность сознания поэта. Данте гордится древностью рода, к которому принадлежит, и тут же иронизирует над этим:

О скудная вельможность нашей крови!
Тому, что гордость ты внушаешь нам
Здесь, где упадок истинной Любви,
Вовек не удивлюсь...
(Рай, XVI, 1—4)

Данте помещает в Чистилище графа Омберто за то, что он, будучи представителем древнего рода, стал заносчив и начал презирать людей, «позабыв, что мать у всех одна». В «Пире» Данте доказывает, что «не род делает благородными отдельные личности, а отдельные личности делают род благородным». «И я впрямь осмеливаюсь утверждать, — пишет он в этом трактате, — что человеческое благородство, поскольку это касается множества его плодов, превосходит благородство ангелов, хотя ангельское в целом и более божественно».

Данте убежден, что гордость — смертный грех и должна быть наказана муками Ада или Чистилища. Но Данте — человек и поэт — перерастает Данте — моралиста и богослова: неосознанно он отклоняется от этих жестких и узких норм и относится сочувственно к людям гордым. Под огненным дождем, презрев страдания, лежит в седьмом круге Ада Капаней. В жизни, осаждая древнегреческий город Фивы и поднявшись на городскую стену, он бросил вызов Зевсу и другим богам. «Каким я жил, таким и в смерти буду!» — кричит он, и Данте дивится его гордыне «как чуду». Столь же неукротим духом вождь флорентийских гибеллинов Фарината дельи Уберти, погребенный в огненной могиле среди эпикурейцев, отрицавших бессмертие души.

А он, чело и грудь вздымая властно,
Казалось, Ад с презреньем озирает.
(Ад, X. 35—36)

Лишенные какой-либо надежды, обреченные на вечные муки, эти грешники проявляют необычайную стойкость духа, придающую им величие. Данте вновь расходится с традиционно-средневековым изображением грешников.

Процесс самоутверждения человека — процесс длительный и мучительный, а Данте стоял в самом его начале. В том, как он изображал этих гордых людей, нельзя усмотреть последовательно гуманистического взгляда. В поэме имеется и такое место:

О христиане, гордые сердцами,
Несчастные, чьи тусклые умы
Уводят вас попятными путями!
Вам невдомек, что только черви мы... (Чистилище,
X, 121 — 124)

С этими словами обращается Данте в кругу первом Чистилища к гордецам, которые очищаются от греха тем, что несут камни непомерной тяжести, придавливающие их к земле. Данте, признаваясь в собственной гордости, уверен, что его ждет та же участь: «той ношей я заране пригнетен». Подобная мысль вызывает в нем ужас — и все же он даже не помышляет о том, чтобы отказаться от гордыни при жизни. Так в муках начинает формироваться самосознание человека, понемногу освобождающегося от средневековых пут. Данте выражает твердую уверенность в непрерывном совершенствовании человеческого рода:

...на смену век идет не дикий!
Кисть Чимабуэ славилась одна,
А ныне Джотто чествуют без лести,
И живопись того затемнена.
За Гвидо новый Гвидо высшей чести
Достигнул в слове⁷; может быть, рожден
И тот, кто из гнезда спугнет их вместе.
(Чистилище, XI, 93—99)

Так Данте говорит о себе! И как же неубедительно звучат после этих строк слова о бренности славы, так как на земле быстро забывают тех, кто при жизни был широко известен. Неубедительно для нас, но не для Данте. То, что нам представляется несовместимым, уживалось в сознании поэта, творчество которого было связующим звеном между средними веками и Возрождением.

Иным становится восприятие и античной культуры. Вергилий является руководителем Данте не только по Аду, но даже по Чистилищу, хотя язычникам и закрыт туда доступ, так как оно является ступенью на пути в Рай. Сама Беатриче, призвавшая Вергилия в руководители поэта, предсказала Вергилию вечную славу. Почитание

⁷ Речь идет о поэтах Гвидо Гвиницелли и его младшем современнике Гвидо Кавальканти.

средневековыми схоластами Вергилия, духовно чуждого им, сменяется у Данте живым чувством любви к нему.

В «Божественной комедии» в весьма причудливом виде смешиваются образы христианской и языческой мифологии. По Аду текут реки античного царства мертвых — Ахерон и Флегетон, вытекающий из Стигийского болота и застывающий в центре земли в виде ледяного озера Коцита; души умерших грешников перевозит в своей ладье через Ахерон «к извечной тьме, и холоду, и зною» Харон. Черти действуют заодно с кентаврами. Герои всех времен и народов находятся в одних и тех же кругах и рвах. Брут и Кассий соседствуют с Иудой. История и миф сплетаются, создавая поразительную по силе впечатления картину.

Данте повествует о людских грехах и возмездии за них для того, чтобы заставить людей задуматься над своей жизнью. В этом он видит свой долг поэта и гражданина. Данте убежден, что человек, владея великим даром «благородного разума» и воли, может и должен вступить на путь деятельного добра, добиться счастья и на земле, и на небе. Поэт начинает отходить от традиционных представлений о человеке и его предназначении.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Данте Алигьери. Божественная комедия. Разные издания.

Данте Алигьери. Новая жизнь. М., 1965.

Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979.

Боткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.

Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. М., 1967.

Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971. С. 175—284.

Едина Н. Г. Данте. Критико-биографический очерк. М., 1965. История всемирной литературы. В 9 т. М., 1985. Т. 3. С. 61 — 68.

РАЗДЕЛ II

ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА И НАЧАЛО ИТАЛЬЯНСКОГО ГУМАНИЗМА

В начале эпохи Возрождения стоял человек, сыгравший необычайно большую роль в формировании новой системы идей и новой культуры. Этим человеком был Франческо Петрарка — великий поэт и мыслитель, по праву называемый первым гуманистом.

Проследим вкратце его жизненный путь. Отец Франческо был нотариусом, принадлежавшим к флорентийской политической партии белых гвельфов, близких к гибеллинам⁸. После победы, одержанной в 1302 г. их противниками — черными гвельфами, он, вместе с другими «белыми» (в том числе — и Данте), был изгнан из

⁸ О гвельфах и гибеллинах см. стр. 7.